

16+

Дарья Митюкова

Какова же цена мести?

Дарья Митюкова
Какова же цена мести?

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Митюкова Д. А.

Какова же цена мести? / Д. А. Митюкова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Ольге Андросовой неожиданно приходит письмо с завещанием. Согласно завещанию, она получила огромное наследство. Её просят приехать, чтобы обсудить детали. Ольге кажется это всё странным, потому что наследство оставил ей брат мужа. Муж умер несколько лет назад, родственников у него не было. Ольга идёт к следователю Анне Павловне Третьяковой. Она начинает вести это дело...

Дарья Митюкова

Какова же цена мести?

Предисловие.

Я даже представить не могла, что всё так обернётся. Если бы я знала, что всё так получится, я никогда не влезла в это ужасное дело. В это дело, принёсшее мне кучу проблем, на которое я потратила много сил и времени.

Если бы мне сказали, что так всё получится, я бы не поверила. Но вот сейчас, стоя на краю пропасти. Нет, стоя не на краю природной впадины, а, стоя на краю душевного обрыва, чувствуя, что вот-вот сейчас, я сломаюсь, я понимаю, что тогда я поступила правильно. Если бы не я, то никто бы не взял это дело, а, если бы и взяли, то никогда не разобрали всю суть, не нашли виновного, не установили справедливости.

Я проделала огромную работу, чем очень довольна, я приложила все усилия и узнала правду: ту горькую правду, которую никто не хочет слышать. Я узнала всё. Как бы мне не было тяжело, я понимаю, что нужно передать дело в суд. Там назначат наказание, но можно ли наказать так за содеянное? Тут жизни отдать мало...

Я расследовала кучу дел. Я повидала многое. Я разговаривала с разными людьми, среди которых были не только невинные овечки, но и голодные волки. Но никогда, никогда я не сталкивалась с подобным.

В тот момент я стояла перед выбором кто установит справедливость: я или суд. Ведь стоило только спустить курок. Выстрел и всё.

Ещё рапорт, но это было бы неважно, в то мгновение было неважно, я выкрутилась бы, несмотря на последующий исход. Принятие этого решения было самым трудным в моей жизни. Я руководствовалась не сердцем, а разумом. Я уверена, что тогда поступила правильно.

Глава I

Было пасмурно, дело шло к дождю, но я очень надеялась, что дождя не будет, ведь я забыла зонт дома. Вокруг пейзаж не менялся: здания, здания, здания. Но какие здания! Не те, что возвышаются сейчас, а постройки Петровской эпохи.

«До отдела ещё 10 минут, глядишь, успею до начала ливня», – крутилась мысль в голове. «Всё время забываю этот зонт: то дома, то в кабинете. Почему жизнь меня ничему не учит? Всё время тороплюсь. И как мне удаётся работать? Откуда берётся такая высокая концентрация? Удивительно. Честное слово, невероятно».

Заморосил холодный дождь. «Да за что? Стоит только подумать о чём-то неприятном, так сразу это происходит с тобой. Когда-нибудь, наконец, я усвою этот урок?».

– Третьякова! – после непродолжительной паузы повторилось ещё раз, – Третьякова!

– А? Что? Я.

– Зазналась или оглохла? – послышался ехидный, до боли знакомый, мужской голос.

– Лёня, привет! Прости, я задумалась. Боюсь промокнуть.

– Сахарная? Расстайшь? – спросил Лёня и расхохотался.

– Ты, как обычно. Тебе обязательно нужно подшутить надо мной. Не забывай, я всё ещё твой начальник.

Несмотря на то, что Третьякова была Лёниным начальством, их связывали дружеские отношения, поэтому атмосфера в их кабинете не была напряжённой. Обращались друг к другу по имени, если рядом не было потерпевших и прочих лиц.

Лёня любил подшучивать над Третьяковой, да и, вообще, любил добавлять нотки сарказма и иронии. Он никогда не упускал такой возможности, чтоб поиздеваться над кем-то, но

люди, в сторону которых, были направлены издевки не обижались: либо смеялись над собой, либо тоже язвили в его сторону.

Конечно, были неудачные шутки: не над теми людьми и не в подходящее время. Например, над подполковником Строгоновым. Он не то, что бы ни любил шутки, он был к ним привыкший. Откровенно говоря, Лёня пошутил, неудачно (это ещё мягко сказано) и получил от Строгонова такой нагоняй, что больше не осмеливался над ним подтрунивать, хоть кареглазый Лёня и был высокий мужчина, спортивного телосложения, лет 27, и всё-таки, он побаивался начальства.

Строгонов, немного потерявший физическую форму, уже опытный, повидавший многое, собирался уходить на «упокой», то есть на пенсию, но останапливало его одно обстоятельство: не было подходящей замены. Он ждал повышения Третьяковой.

Строгонов думал, что после смены звёзд на погонах Третьяковой, она заменит его, ведь более подходящего человека на управление всем отделом не было. Она как никто другой подходила на эту должность, потому что обладала всеми подходящими качествами: ответственность, исполнительность, стрессоустойчивость, умение руководить и сохранять спокойствие в экстремальных ситуациях, ну и ещё огромный шлейф качеств и её достоинств. В общем, Третьякова была образцовым сотрудником, и её постоянно ставили в пример другим работникам.

– Капитан Третьякова, прошу простить. Разрешите подвезти?

– Разрешаю.

Третьякова села в белую иномарку и вздохнула с облегчением: «Фух, хоть не промокну. Лёня, как всегда во время. И как это у него, получается: быть всегда в нужное время и в нужном месте?».

Ровно в 8 часов утра Третьякова Анна Павловна и Леонид Викторович Растропов вошли в кабинет.

Только Растропов закрыл за собой дверь, в кабинет постучались, и в дверном проходе появилась фигура женщины лет сорока пяти.

– Здравствуйте. Это Вы Третьякова Анна Павловна?

– Верно. Я. По крайней мере, была с утра, – ответила капитан полиции.

– Помогите мне, прошу Вас. Если не Вы, то никто не возьмётся за это дело, – с трудом и со слезами на глазах вымолвила женщина.

– Проходите, присаживайтесь, расскажите поподробнее, что у Вас произошло.

– Может воды? – поинтересовался у потерпевшей Леонид.

– Да, если можно, – ответила женщина и, повернувши голову в сторону Третьяковой, сказала: – Анна Павловна, понимаете, я не хочу, чтобы кто-то, кроме Вас знал детали моей проблемы. Мы можем поговорить с глазу на глаз?

– Вот, пожалуйста, возьмите, – сказал старший лейтенант Растропов и протянул стакан воды.

– Леонид Викторович, покиньте, пожалуйста, кабинет, – в приказном тоне произнесла Анна.

Лёня с недоумением посмотрел на неё. В голове промелькнула мысль, что за столь короткий промежуток времени он сделал не так.

– Растропов, Вы меня не слышите?

Растропов вышел с удивлённым выражением лица из кабинета, закрыв за собой дверь, оставив следователя и потерпевшую наедине.

– Для начала, давайте познакомимся. Меня Вы уже знаете. Я хочу знать кто Вы и в чём суть Вашей проблемы. Ах да, к чему скрытность?

– Меня зовут Андросова Ольга Геннадьевна. Детей не имею, муж умер год назад, оставив завещание, в котором говорилось, что наследником являюсь я. Унаследовала я дом и тридцать

тысяч рублей, которые находились на банковском счёте, – немного успокоившись, произнесла Ольга и, сделав глоток воды, продолжила:

– Странного в его смерти ничего не было. Его не убивали. Вы, наверное, сейчас думаете, что я заговорю, о каком-нибудь «но», о детали, которая в его смерти меня смутила?

Только Анна собиралась ответить, как Андросова продолжила уже в спокойном тоне, без слёз:

– Нет. Не думайте. Дело обстоит в другом... Три дня назад мне пришло письмо, там была записка и копия завещания. Было сказано, что через неделю меня ждёт Антон Игоревич Ломов. Ехать, конечно, в тот город, где он ждёт, недолго, всего два с половиной часа, но понимаете, суть в том, что, как я понимаю, умер его брат, оставив на меня огромное наследство, я боюсь вслух произносить эти цифры. Меня даже, не интересует, откуда такие деньги у его брата. Меня интересует другой вопрос: откуда взялся этот брат?

Мой муж никогда и ничего не говорил о нём. У моего мужа, вообще, нет родственников... По крайней мере, не было до этого момента... Я не знаю, что мне делать. Через несколько дней мне ехать к нему, к брату мужа, но у меня плохое предчувствие. Вам не кажется странным, что объявляется человек, который называет себя братом моего мужа и, который оставляет многомиллионное наследство, на меня. На человека, которого никогда не видел, но откуда-то узнавший о моём существовании. Может быть я мнительна, но прошу Вас, не отказывайте мне. Помогите...

Вы спросили к чему скрытность. Я отвечу. Я не хочу предавать дело огласке, потому что, если окажется, что, просто, я себя накручиваю, то это будет позор. Хоть близких у меня и не осталось, но найдутся те, кто будет... думаю, Вам не нужно объяснять, что будет...

– Хорошо, я Вас услышала, я постараюсь сделать всё, что в моих силах. Я не знаю странно это или нет, буду разбираться. Ещё раз повторюсь: я помогу, чем смогу. Но одна я, просто не успею. Я подключу ещё несколько людей.

– Ох, ну, если так нужно, то делайте всё необходимое, но пусть об этом знает, как можно меньше людей.

– Берите ручку, пишите заявление, чтобы я официально могла заниматься этим делом.

– Но, что я напишу? Что объявился богатенький родственник, который кажется мне подозрительным? – воскликнула Андросова, – И, вообще, я хочу, чтобы это дело не было официальным. Может мне всё это кажется.

– Когда кажется – креститься нужно, – прошептала Анна, – Извините не подумала. Тогда сделаем следующим образом: оставьте мне свой номер телефона и адрес. Я могу побеспокоить Вас в любое время.

Глава II

Анна Павловна была невысокой девушкой, с голубыми глазами, вьющимися русыми волосами. Любила читать. Несмотря на свою хрупкость, Аня была спортсменкой, могла «расколоть» любой орешек.

У неё была высокая раскрываемость. Так, называемые, висяки были, но намного меньше, чем у других. Работу свою обожала, ходила по форме.

Возникает вопрос: почему же Ольга Геннадьевна пришла, именно, к ней, ведь Анна – обычный следователь. Дело было в том, что Аня, скажем, «коллекционировала особенные дела», если их можно было так назвать. В её «коллекции» были: убийство при странных обстоятельствах, кража у старушки апельсинов (казалось, чтобы тут странного, но как выяснилось в итоге – это были не просто апельсины. Это был контейнер для перевозки наркотиков, но по глупой ошибке были перепутаны коробки, и у старушки оказались эти апельсины) и несколько других дел. Их было около шести.

Коллекционировала... Странно сказано, она не собирала эти дела специально, всё началось нормально, а потом по ходу делу открывались удивительные обстоятельства.

Глава Ш

Наталья Андреевна Шлёц, миловидная, но истеричная и нервная дама лет тридцати трёх от роду, вернулась домой к утру. Несмотря на то, что её мужу было плохо, она развлекалась, как могла. Ещё при живом муже она задумывалась, куда она потратит наследство, которое перейдёт ей от Антона, ведь кому, как не ей, муж его оставит.

Наталья уже успела подумать за кого она выйдет замуж, ведь она не знала, что значит «недостаток внимания со стороны мужчин», хоть и была замужней женщиной.

Кандидатур было много. Среди них присутствовал некий Крепостной Сергей Владимирович, и её выбор пал, именно, на него.

«Почему именно он?» – спрашивала она у себя. И тут же отвечала сама себе: «Во-первых, он богат. Во-вторых, он хорош собою». И на этих аргументах она всегда останавливалась, потому что ей, кроме этого ничего не было нужно. К выбору своих первых двух мужей она основательно тоже не подходила. Со своим первым мужем она познакомилась случайно. Банальная встреча, недолгие ухаживания и свадьба. Всё произошло быстро, потому что оба торопились. Пётр (так звали её первого мужа) спешил, потому что любил её, а Шлёц торопилась, потому что эта была хорошая партия для неё. Это была отличная возможность воплотить в жизнь все её мечты о красивой жизни.

Прожили они вместе недолго. Развелись через год, но так как Пётр был интеллигентный человек, то оставил ей дом.

Шлёц недолго тосковала, несмотря на то, что бракоразводный процесс совершился по инициативе Петра (причин было много, но основной оставалась та, что чувств у Натальи к нему не было, а так как Пётр жил по понятиям, он не мог с ней больше делить кров).

Через три месяца Наталья снова вышла замуж, но уже не за молодого и бодрого человека, а за дряхленького старика, который вот-вот, как любила говорить Шлёц «откинет копыта». Но старик оказался не таким уж и плохим по состоянию своего здоровья и «откидывать копыта» не собирался и, поэтому Шлёц пришлось взять всё в свои руки и «помочь» ему. Ей не было его жалко, она, в принципе, по своей натуре жалости не испытывала ни к кому, кроме себя. Но Наталья не могла его отравить или сделать что-то подобное. Нет, не, потому что её бы загрызла совесть, а, потому что она хотела, чтобы выглядело всё естественно, иначе первым делом подозрения пали бы на неё. Посидев и подумав пару часов, Наталья решила довести старика своими выходками, скандалами и истериками. Тут не то, что у него, её мужа, случится приступ, тут любого хватит инфаркт после таких «концертов».

Вскоре всё так и случилось, как планировала Шлёц. Её «любимый и обожаемый» муж отошёл в мир иной (по которому она очень горевала, как говорила всем), оставив ей неплохое наследство. Хоть Наталья и была женщиной неглупой, но бизнес вести не умела, в общем, вскоре её бизнес пошёл ко дну и компания разорилась. Наталье ничего не оставалось делать, как снова выйти замуж. К её сожалению, богатеньких старикашек на горизонте не наблюдалось, а замуж нужно было срочно. Наталья решила выйти замуж за первого, кто предложит, ведь выбирать, просто на просто, не было времени.

Всё произошло ещё быстрее, чем предполагала Наталья, ведь её будущий муж очень торопился, а всё, потому что он её обожал.

Она вышла замуж за Ломова Антона Игоревича (который сейчас страдал в соседней комнате, пока его горячо любимая Наташенька развлекалась). Он всегда закрывал глаза на все её проступки, среди, которых было не только прожигание денег и печени, но и, как поговаривали, на многочисленные измены. Естественно, Шлёц всё отрицала, аргументируя тем, что завидуют их счастью и пытаются их рассорить. Муж ей, безусловно, верил, ведь это же Наташенька. Она хорошая. Она не способна на такую подлость.

Антон ошибался. Он не знал своей Наташеньки, точнее он знал только ту сторону, с которой она себя показывала: хорошая жена, души нечающая в своём муже.

Что в ней находили мужчины, никто не знал. Кроме своей красоты, она больше не могла ничего предложить. За душой ничего не водилось: ни денег (но этот факт женихов не интересовал, ведь почти у всех, сватовавшихся, были огромные состояния) и ничего святого в ней не было. В общем, была корыстная, любила побаловать себя любимую, не пропускала ни одного мероприятия и не упускала ни одной возможности, чтобы завести полезное для неё знакомство.

Подруг у неё не было, да и она не старалась ими обзавестись.

– Наталья Андреевна, – послышалось из комнаты.

Не снимая обуви, она прошла в гостиную, из которой доносился этот зов.

– А, это вы, Фёдор Константинович. Какие прогнозы?

– Именно об этом я и хотел с Вами поговорить, – сказал доктор, с сияющими глазами.

Наталья заметила этот радостный блеск в глазах, и выражение её лица изменилось, она очень надеялась, на скорейшую смерть мужа.

– Не томите, я Вас слушаю. Я надеюсь, что он поправится, – немного переигрывая, сказала Шлёц.

– Антон Игоревич... – начал, было доктор, но быстро остановился, он заметил, как лицо Натальи обрело печальный и даже гневный вид.

– Что же Вы замолчали? Только не говорите, что случилось что-то ужасное.

– Нет, нет, что Вы, наоборот. Антон Игоревич идёт на поправку, несмотря на неутешительные прогнозы, которые были даны моими коллегами. Если продолжить лечение, сохранять покой, то может всё и обойдётся. Мне кажется, что мои коллеги в диагнозе, где-то допустили ошибку. (Последнюю фразу доктор сказал почти шёпотом).

– Да, что Вы такое говорите! – закричала Шлёц.

– Как Вам не стыдно обвинять лучших врачей города, в ошибке! Это невозможно!

– Что Вы, что Вы. Не кричите, пожалуйста, Наталья Андреевна, я только смел предположить.

– Занимайтесь своим делом и выбросьте эти глупости из головы, – сердито прокричала Наталья и вышла из гостиной.

Фёдор Константинович остался наедине со своими мыслями. Он давно начал подозревать Наталью, в нелюбви к мужу, он чувствовал, что она ждёт его смерти и именно по этой причине, он не стал говорить про завещание, написанное её мужем, тем более уж не стал рассказывать про наследницу, которая должна прибыть со дня на день.

Белов не просто догадывался об ошибке в диагнозе, он знал, что диагноз поставлен неверно и, говоря простыми словами, Антона травили: убивали лекарствами, лечившими его не от того.

Фёдор Константинович сделал всё, что нужно и поставил правильный диагноз, который был по сравнению с первым безобидным. Пара недель лечения, приём таблеток и витаминов и всё: снова будет здоров. И как раз об этом он хотел поговорить со Шлёц. Как он радовался, что не успел ей этого рассказать, ведь она устроила такой бы скандал и продолжила убивать мужа. Никто бы, в конечном итоге ничего не доказал.

Глава IV

Белов подружился с Антоном и привязался к нему, Ломов стал доктору сыном, которого у того никогда не было, как знали все. Собственно по этой причине Фёдор Константинович изменил курс лечения, не сказав никому.

Улучшения были на лицо. Больной, естественно, шёл на поправку, что сильно раздражало Шлёц. Белову нужно было скрывать улучшения, но как бы он ни старался, ему не удавалось, это сделать. Наталья часто посещала мужа. Но в последнюю неделю она почти его не видела, всё, потому что она уже планировала свою свадьбу с Сергеем Крепостным.

Вот и сейчас, покинув гостинную, Наталья направилась к себе в спальню, чтобы ему позвонить и договориться о встрече, хоть и часы показывали полночь.

Оставшись наедине с собой, Белов начал рассуждения:

«И какой чёрт меня дёрнул ей это сказать? Федя, ты же прекрасно знаешь её отношение к мужу. Вот же старый дурак. Ну, что ж на ошибках учатся, впредь буду умней. Придётся врать. Феденька, милый мой, ни при каких, слышишь меня? – рассуждал Белов в своей голове, – Ни при каких обстоятельствах больше не смей говорить этой Шлётц об улучшениях. Ты же прекрасно знаешь об её отношениях с Крепостным. Ты же не раз видел их вместе и продолжаешь ей говорить о поправке Антона. Глупец!».

Доктора мучила совесть. Он не мог идти в полицию, только своими силами мог он вылечить Антона и рассказать ему всю правду после полной поправки.

– Хватит, пойду лучше посмотрю, как там Антон, – сказал он уже вслух и направился посетить больного.

Глава V

Тем временем Антон расхаживал по комнате, рассуждая, как быть ему дальше. Ему было намного лучше, чем неделю назад. Неделю назад он готовился к смерти, писал завещание, а сегодня уже ходил по комнате и мог ясно мыслить. Он больше не впадал в забытье, узнавал абсолютно всех и помнил все события.

– Со дня на день, приедет Анна, вот, что я ей скажу? Она меня, даже знать не знает. Вот зачем я её вызвал, куда я так спешил? Впрочем, я готовился к смерти, кто бы знал, что я пойду на поправку? Нет, Белов, всё-таки, чудесный доктор. Волшебник! Как же я ему благодарен.

Открылась дверь и в комнату вошёл Фёдор Константинович:

– А это что такое? Почему мы не в постели? Антон, Вы только пошли на поправку, – начал Белов, но Ломов его перебил:

– Дорогой мой, Фёдор Константинович, я устал уже лежать. Я больше недели не вставал с кровати, – с улыбкой произнёс Антон.

– Я понимаю, Тоша, твою радость, но всё-таки стоит долечиться, а потом, хоть в космос. Давай-давай, живо в постель.

– Как скажете, Фёдор Константинович, – с той же улыбкой сказал Антон и сел на кровать.

– Антон, я тебе говорю, в постель, – сердито произнёс Белов.

Улыбка с лица Ломова пропала.

– Фёдор Константинович, присядьте рядом, нам нужно поговорить.

– Что-то случилось, что-то тебя беспокоит? – с тревогой спросил Белов и присел рядом с Тошенькой.

– Фёдор Константинович, Вы знаете, что мне Вы, как родной, поэтому я хочу поделиться с Вами своими мыслями. Понимаете, в последнее время Наташенька редко ко мне заходит, и я стал подозревать её в изменах. Бес, скорее всего, меня попутал. Я понимаю, у неё дела. Ей некогда, но не могу мысли эти отогнать, – начал Ломов.

Белов знал, что рано или поздно Антон бы обо всём узнал. Обо всех грехах своей горячо любимой жёнушки, но это «рано или поздно», нужно было отодвинуть, потому что сейчас, в его состоянии, после этой травли, ему нужен был покой. Ещё пара недель и он окончательно выздоровеет, и тогда можно будет ему всё рассказать. А сейчас не стоит его волновать, потому что он человек ранимый, несмотря на все его прошлые деяния.

Обо всех прошлых деяниях Тошеньки, Белов знал. Ломов ему исповедался перед смертью, которая, как думал Антон, наступит очень скоро. Фёдор Константинович поклялся, что об этой исповеди никто и никогда не узнает, потому что Антон многое натворил. Состоятельным человеком он стал непросто...

– Тоша, ты себя накручиваешь, – начал успокаивать доктор.

– Фёдор Константинович, кареглазый Вы мой, я знаю, что оберегаете меня, как зеницу ока. Но я вчера видел, как Серёжа Крепостной довёз её до дома и... и поцеловал. Я понимаю, если бы это было первый раз. Ну, оступилась, с кем не бывает. Но это не в первый раз. Не надо, не успокаивайте, я сам видел. Я стараюсь, не волноваться, но сами понимаете суть ситуации. Ещё несколько дней назад я страдал, что не могу оставить ей наследство, Вы сами знаете почему. А сегодня...

Ломов резко замолчал и продолжил почти шёпотом:

– А сегодня я видеть её не хочу. Как только полностью выздоровлю подам на развод. Дорогой мой, Фёдор Константинович, не пускайте её ко мне и, вообще, никого не пускайте. Будут говорить Вам угрозы, многоуважаемый мой, приходите ко мне. И главное, – тут Ломов сказал громко и отчётливо, – Ничего и никого не бойтесь.

– Хорошо. Я сделаю всё, как Вы просите. А сейчас... Давайте на боковую, уже поздно.

– И, действительно, третий час ночи.

Антон лёг в свою постель, Белов помог ему укрыться и, пожелав спокойной ночи, вышел из спальни. Доктор пошёл к себе, ведь ему давно уже пора спать.

Фёдор Константинович жутко устал и уснул сразу, как только голова коснулась подушки. Спал крепко, как и Антон. Всю ночь обоим снились прекрасные вещи: их сокровенные желания и мечты.

Глава VI

– Забери меня, пожалуйста, отсюда. Я не хочу оставаться дома, – плакала в трубку Шлёц.

– Почему ты не можешь? Как я могу перестать плакать? Нет же, это не алкоголь... Нет, он ничего не заподозрит. Приезжай, прошу тебя... В смысле, иди спать? В смысле, поговорим завтра?... Я услышала тебя, – прокричала Наталья и бросила новенький мобильник в сторону двери.

– Да за что мне всё это? Какая же я дура! Как я влюбилась в этого Крепостного? Да проподи он проподом, – истерила Шлёц. – Я, даже фамилию сменить, готова на его, хотя раньше никогда этого не делала. Да, что это такое?! Ещё этот муженёк пошёл на поправку, каким только образом? Я столько денег заплатила этим чёртовым врачам, за этот диагноз! Да будь он не ладен, этот Антон со своим Беловым, – продолжала рыдать Наталья и тут ей пришла в голову мысль: «Я отравлю его. Получу это наследство и буду с Серёжей. Решено... Я его отравлю... Завтра же», – с этой мыслью Шлёц уснула.

В эту ночь Наталья спала прекрасно. Она никогда на сон не жаловалась, да и хмель, ударивший ей в голову, сыграл свою роль.

Свежий воздух, наполнявший комнату, способствовал хорошему сну. Наталья, в тёплые, погожие дни всегда оставляла окно открытым, ведь это полезно для здоровья. Пожалуй, это единственная вещь, в её жизни, что способствовала поддержке здоровья.

Глава VI

Раздался трезвон будильника. До того противный и, вытаскивающий всю душу, что Анна сразу проснулась. Часы показывали 6 часов утра. Третьякова встала и начала собираться на работу.

Хороший завтрак – залог успешного дня, поэтому Анна отправилась на кухню готовить.

Она жила одна: ни мужа, ни детей, ни собаки не было. Часто к ней в гости приезжала её мать Татьяна Ивановна – человек старой закалки. Она всё время упрекала дочь, за отсутствие семьи, именно по этой причине, Анна не любила её приезды.

– Аня, не успеешь оглянуться и старость, умрёшь в одиночестве, либо с сорока котами, которых заведёшь на пенсии. Да и твоя работа. Вот что это? Это не женская профессия. Бегаешь с пистолетом, да разве видано такое? Ты детей должна воспитывать. У тебя, хоть есть кто-то на примете? – всё время говорила Татьяна Ивановна.

Аня только собиралась было возразить или ответить матери, как та сразу продолжала.

– По глазам вижу, что нет. Хотя бы тот, Лёничка, кажется, неплохой человек. Работает с тобой. Подумаешь младше, ну и что? Аня, хорошая партия для тебя. Присмотрись.

Ане только оставалось кивать головой, ведь что ещё было делать? Против матери не пойдёшь. И не так важно, сколько тебе лет: десять, двадцать или сорок.

Аня поставила турку на плиту, и в это время зазвонил телефон. На экране телефона светился незнакомый номер, но это не было удивлением, ведь работа Анны говорила сама за себя.

– Алло. А, это Вы, Ольга Геннадьевна. Приехать? Сейчас? Хорошо, буду минут через 30, – отключившись, Анна вслух сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.